

10 КРУГОЗОР 66

современник будущего

ГОЛОСА
НАШЕЙ
БИОГРАФИИ

Жак ГОШЕРОН,
французский поэт

L'Internationale.

*C'est la lutte finale.
Grappes nous et demain
L'Internationale
Sera le genre humain.*

*Debout! l'âme du prolétaire!
Travailleurs, grappez-vous enfin.
Debout! les damnés de la terre!
Debout! les forçats de la faim!
Pour vaincre la misère et l'outrage
Faites esclaves, debout! debout!
C'est nous le droit, c'est nous le nombre
Nous qui n'étions rien, Soyons tout!*

*C'est la lutte finale,
grappez-vous et demain
L'Internationale
Sera le genre humain.*

*Il n'est pas de sauveurs suprêmes,
Ni dieu, ni César, ni tribun.
Travailleurs sauvez-vous vous-mêmes,
Travaillons au salut commun.
Pour que les volens résistent fergé,
Pour têter l'esprit de cachet,
Allumons notre grande fergé!
Battre le fer quand il est chaud!*

E. Pottier

На одной из баррикад Коммуны.
Фотография, хранящаяся в парижском музее Карнавалле.

1 9 1 7 — 1 9 6 7

ПОЛДЕНЬ

Эжену Потье было бы достаточно прожить две жизни, чтобы оказаться сейчас среди нас. Сколь заманчива мысль о воображаемом разговоре с ним! Многое можно было бы рассказать старине Попо (как он сам себя называл) в день его столетия, поведать все то, что его, несомненно, вдохновило бы. Мы могли бы не касаться событий 1830 года — Потье отдал им свою первую песню. Он не узнал бы от нас нового о революции 1848 года, которую он пережил, или о Парижской коммуне, членом которой он был.

Однако он наверняка заинтересовался бы рассказом о мощном взлете рабочего движения в XX веке, разорвавшего цепи капиталистического рабства во многих странах, и тут перед Эженом Потье открылась бы поистине неоглядная панорама. Тема беседы простиралась бы от Октябрьской революции до позывных с околотунной орбиты.

Мы сказали бы Потье, что все эти события сопровождал его голос, что «Интернационал» стал гимном миллионов людей на земном шаре.

Мы перевели бы ему прекрасные слова Ленина, написавшего в 1912 году: «В какую бы страну ни попал сознательный рабочий, куда бы ни забросила его судьба, каким бы чужаком ни чувствовал он себя, без языка, без знакомых, вдали от родины,— он может найти себе товарищей по знакомому напеву «Интернационала».

Главное слово в песнях Эжена Потье — Будущее. Во имя Будущего он старался отмечать в своих песнях малейшие достижения социального прогресса, приветствуя бастующих шахтеров и поздравляя Рабочую партию с победой на парижских муниципальных выборах 1881 года. Во имя Будущего он посылал раскаленные стрелы своих стихов в бюстостеллы порядка. И это был удар по жестоким эксплуататорам «начального периода индустриальной эры» и по «банкирам с большой дороги»...

Потье свет этого Будущего видел в глазах коммунаров:

Безымянных наших мертвых палачи зарыли
в землю —
Только будущее в землю не зарыть.

Он видел грядущее воскрешение Коммуны и без упования повторял, что «она не убита». Певец народа и его надежд, он первым воспел Интернационал, хотя эта песня, естественно, не ассоциировалась у него с какой-либо мелодией.

Надо представить себе, как это было... Июнь 1871 года. В момент самых жестоких репрессий, в час, когда самому Потье, попади он в лапы полиции, грозила бы неминуемая смерть, под аккомпанемент мстительных и истерических воплей, перемежавшихся с бесстыдной клеветой, посреди траура и слез Эжен Потье бросает вызов триумфу буржуазии. На чистый лист бумаги ложатся уверенные слова:

Вставай, проклятьем заклейменный...

Такова была душевная сила Потье. Ни безысходность несчастья, ни мрак нищеты не могли склонить его к отчаянию. Он поет о надежде спокойно, с решимостью человека, который, по словам

Продолжение читайте на пятой странице, ▼

Галина ШЕРГОВА,
специальный
корреспондент
«Кругозора».

Теперь я уже знаю, как это будет через мгновение. Серебряный раструб репродуктора выпустит шесть птичьих писклов, знаменующих точное время. Стрейков дернет пушку за узду, как задремавшего коня, и она ахнет, осылая огонь и прах на бетонную спину Нарышкинского бастиона. И, подхватывая на лету эхо, тысяча ленинградских гидов скажет своим туристам: «Пушка Петропавловской крепости отмечает полдень». Среди гидов будут и добровольцы-дилетанты, которые не преминут добавить: «Эта традиция существует с петровских времен».

Ах, почему я не могу перебить их и влезть тут же со своими коррективами?! Я бы объяснила, что вовсе не надо пугать полуденные пушки с восточными. При Петре, когда фортификации крепости были земляными, пушки — востовые! — отмечали начало и конец работ, перерыв на обед. Они гремели, открывая путь в состязание ботам и гребным судам на Неве. А при Екатерине восходу солнца, как языческому празднеству, салютовала зоревая пушка. Какое триумфальное имя для пушки — зоревая! Недаром оно вторглось в пушкинскую строчку. Помните: «Бывало, пушка зоревая лишь только грянет с корабля?». А в 1777 году залпам волн отвечала пушка, крикнувшая: «Наводнение!»

Нет, полуденные пушки бьют над Питером только с февраля 1865 года. Тогда выстрел давался с Адмиралтейства, замыкал запал сигнал из обсерватории Пулковая. И только с 1873 года обязанность знаменовать полдень передали Петропавловской крепости. До тридцатых годов нашего века, когда было решено прекратить стрельбу, ибо радио оповещает о зените дня современнее.

Они стоят в Артиллерийском музее, холодные, безгласные, наверное, погруженные в воспоминания о том, как браво вздрагивали их тела, делая свою работу вестников. Они стоят — петровские, екатерининские, александровские пушки. И еще одна, Полуденная пушка, пушка, возвестившая Полдень Истории. О ней я расскажу особо.

Теперь я могу разговаривать о пушках довольно подробно и даже поправлять добровольных ленинградских гидов, ибо получила краткосрочное «пушечное» образование у Александра Григорьевича Петрова. Вот он-то уж знает о них все. Не оттого, что Александр Григорьевич в прошлом — преподаватель автобронетанкового дела, а потому, что он истинный служитель истории Ленинграда и особенно петропавловской артиллерии. Участник гражданской и Великой Отечественной войн, переживший ленинградскую блокаду, дошедший с минометным полком до Праги, он пишет долгое и звучное житие петропавловских пушек. В житии том есть глава и о пушке Полдня Истории.

Уже хрестоматийно знание этого часа. Уже всюду пишется, что сигнал выстрелу «Авроры», этому первому удару курантов нового времясчисления человеческого общества, был дан с Петропавловской крепости. Пишется: на Петропавловне был поднят красный фонарь.

Он и вправду был поднят, скромный неросиновый светильник, обернутый алым полотнищем. Однако вряд ли его слабый свет мог пробиться сквозь далений питерский туман и вестовым крейсера. Но ведь на «Авроре» все видели стремительный и сочный накал багрянца над крепостью. Его видел и солдат-канонир, стоявший в расчете у пушки Нарышкинского бастиона, Василий Николаевич Смолин. Он и сейчас помнит этот алый сигнал, вспыхнувший там. Но не в фонаре. А над жерлом орудия! Он и орудие узнал, как боевого коня, в строгих стойлах сегодняшней музейной экспозиции.

Василий Николаевич говорит, что был получен приказ Антонова-Овсенко дать сигнал «Авроре». В положенную минуту выстрел грянул. Сквозь туман и сероватый дождь товарищи на крейсере увидели зарево — алым знаком. И тут же ахнула «Аврора». Звуки выстрелов наложились, отчего канониры «Авроры» петропавловского выстрела могли не слышать. После того, утверждает тот же Василий Николаевич, с крепости по Зимнему было произведено еще шесть выстрелов, два из которых — боевыми. Один снаряд разорвался в комнате Керенского, другой с перелетом упал в Демидовском переулке, что и отметили назавтра газеты.

Дело историков — выяснить достоверность каждой подробности того часа. Мы не берем на себя смелость утверждать неопровержимость новой версии. Но рассказывать об этом надо, ибо нельзя потерять ни одного удара хронометра, разметившего рубежные минуты истории.

В летописи петропавловской артиллерии — это отдельная глава, самая значительная. Может, и школьным учебникам это станет маленькой припиской. Авроровый голос звучит над столетиями первозданностью оповестителя эпохи. Но нужно помнить и имя неприметного гонца, принесшего весть глашатаю.

На снимках:

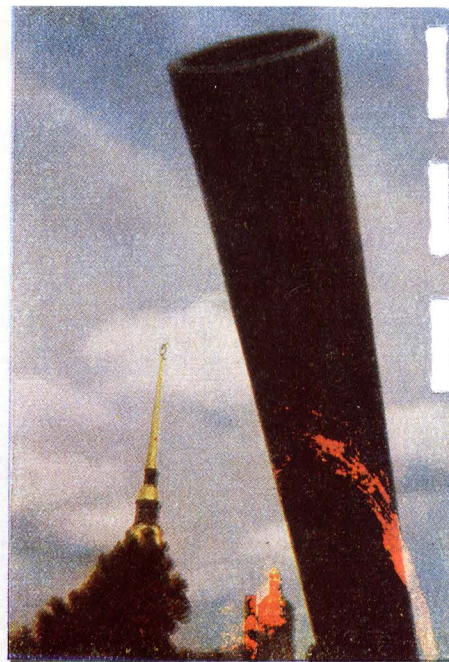
Глаза
в глаза
с городом.

— Сверим
время!

Полдень.

Фото Л. Лазарева.

...Я знаю, как это будет через мгновение. Уже накануне сидела я в «дежурке» расчета петропавловской пушки, где стоит колченогий столик, койка, похожая на корабельную, и над ней гремит патронатшем «Неизвестный матрос» с картины неизвестного художника. Уже видела я, как в одиннадцатый тридцать брал ведро Федор Авраамович Стрейков — похоже, собрал снасти к рыбалке, — по-деловому и буднично укладывал туда снаряд, телефонный аппарат, рукавицы и шел на крышу бастиона, к пушке.

Она снова отбивает полдень. С 22 июня 1957 года воскресил Ленинград полуденную традицию. И пришли в Петропавловку отставные артиллеристы — подполковник Кудрявцев Михаил Васильевич и старший лейтенант Стрейков. Позднее вошел в расчет и Борис Николаевич Зиновьев.

Все они трое были мальчишками, когда на Нарышкинском бастионе загорелся тот «алый фонарь». И сетовали, конечно, как все мальчишки тех лет, что революция «обошла» их своим ходом, не приняв в солдатские дружины по малолетству. Но именно им и выпало защищать выстрел «Авроры» еще долгие годы. На Курской дуге, на Карельском перешейке, на дальневосточной реке Амур, у стен Берлина отбивали они атаки разномастных наших врагов, атаки на Великую Революцию. И вышло так, что профессией этих кадро-

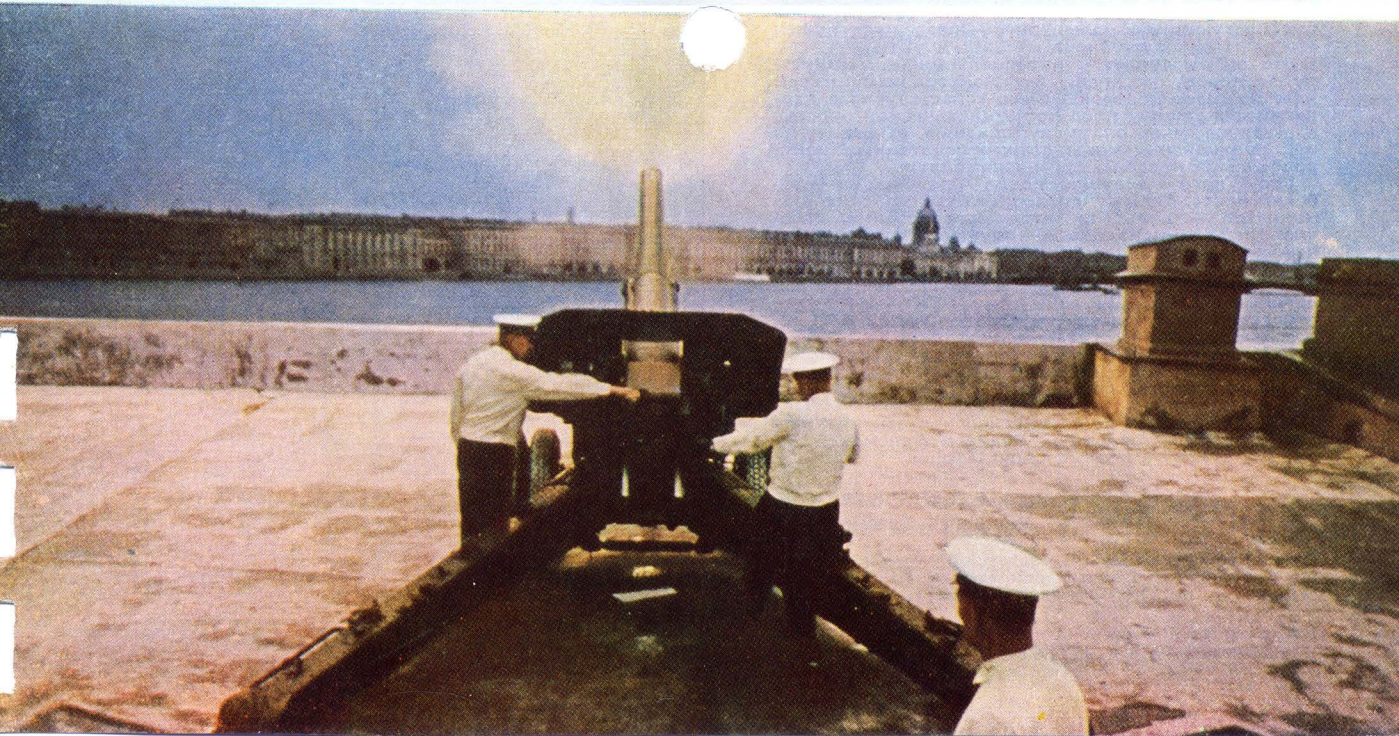
вых солдат стала долгая и самоотреченная защита Революции. Может, оттого захотели они до конца дней своих простоять на том месте, где в полдень подает голос пушка, напоминающая сестру свою — востовую пушку Октября. Орудие само — тоже ветеран. Прошло от Ленинграда до Победы.

Сейчас тоже полдень. С крыши бастиона видно, как в обе стороны раскидывает руки Нева. Как чугунные знаки музыкального «легато», перекинуты над ней дуги мостов, точно назначающие реке течение — «плавно». Теплятся красные свечи Ростральных колонн — там, справа, где недвижим, похожий на каминные часы Морской музей. А прямо — глаза в глаза с пушкой — зеленеет Зимний дворец.

Снизу, с земли, бьют нестройные фонтанчики голосов. Там пляж, и загорелые тела разбросаны по песку. Голоса молодые, и те, кому принадлежат они, наверное, и не знают, каким леденящим сердцем бывает орудийный голос. А эти трое у пушки знают, ох, как знают! Наверное, потому и избрали они сегодня для себя такое ремесло — возвещать равномерность жизни.

Жизнь — слово, у которого много синонимов. Например: мир, революция, полдень.

Ленинград

КОММУНИСТ — ЭТО БОЕЦ

Всякий раз, когда он приезжает в Москву, он испытывает радость первой встречи.

Красная Пресня будит в его памяти слова о первой русской революции, а когда он проходит брусчаткой Красной площади, мимо Кремля, его словно согревает улыбка Ильича. Ему даже кажется, будто он может говорить по-русски. И он прав: ведь он произносит слово «товарищ».

Роднею Арисменди — 53 года, из них 35 лет он коммунист. Он родился в деревушке неподалеку от бразильской границы и был еще совсем юным, когда приехал в Монтевидео, в университет.

Там Арисменди сразу окупился в студенческую борьбу: глубоко преданный марксизму-ленинизму, он стал профессиональным революционером. Активист коммунистической партии, он трудился в столице и на периферии, работал в подполье.

Сегодня Арисменди — председатель одной из фракций уругвайского парламента. Его труды издаются в Монтевидео, в Гаване, в Москве... Его слова с глубочайшим уважением слушают на международных совещаниях коммунистических и рабочих партий и во время встреч представителей народов Азии, Африки и Латинской Америки.

В Уругвае дня не проходит без того, чтобы Арисменди не побывал в домах рабочих кварталов в районе боен, не встретился со студентами университета и институтов. Он везде — на заводе, занятом бастующими, на митинге — везде, где нужен его опыт революционера и совет друга.

Это он выступает с интерpellацией к министру по поводу расправы с демонстрантами и сам идет во главе народа. Это его голос звучит в парламенте в защиту прав коммунистической прессы, и в тот же вечер он, рискуя жизнью, вырывает из рук полицейских кипы свежееотпечатанных номеров «Эль Популара», органа компартии.

Для него ведущая сила революции — рабочий класс. Ведь из наждых ста уругвайских коммунистов — семьдесят восемь пролетарии, рабочие. Интернационализм он понимает как священный долг, и его народ своей кровью подтвердил солидарность с республиканской Испанией, солидарность с революционной Кубой и героическим Вьетнамом.

Сегодня трудящиеся его страны едины больше, чем когда-либо. Но сегодня, как никогда прежде, сильна ненависть и злоба внутреннего и иностранного врага. Как никогда прежде, сильна угроза государственного переворота, сильна угроза интервенции извне...

Именно поэтому Коммунистическая партия Уругвая во главе с товарищем Роднеем Арисменди решительно идет в первых рядах борцов.

Карлос КАСТЕЛЬГРАНДЕ,
уругвайский журналист

Слушайте на третьей звуковой странице наше интервью с Первым секретарем ЦК Коммунистической партии Уругвая Роднеем Арисменди.

На снимке: Родней Арисменди среди участников демонстрации в Монтевидео.

Р. Арисменди: Вам передают привет все уругвайские коммунисты. Я бы хотел сказать так же о всем нашем народе, питающем чувства симпатии к Советскому Союзу. Когда мы обращаемся к вам, советские друзья, наши слова полны искренней дружбы и восхищения перед великим народом и его могучей партией. Мысленно мы с вами, в вашем труде, в ваших школах, в вооруженных силах, среди людей, идущих в мавзолей Ленина...

...НЕ МЫСЛИТ СВОЕЙ ЖИЗНИ БЕЗ ПАРТИИ

художника-коммунара Гюстава Курбэ, был «уверен в своих мечтах».

Таким было все творчество Эжена Потье. Горизонты его были широки, и оно было чудно компромиссу. Потье никогда не отказывался называть вещи своими именами или вводить в песню термины из трактатов по политической экономии. Он стремился возможно более четко выражать свою мысль и найти живое, правдивое слово, которое звало бы к действию, отличалось выверенным тоном, точностью. В чем эта точность? Там, например, где певцы философского романтизма трагически восликали: «Боги умирают!», Потье говорит: «Боги испаряются».

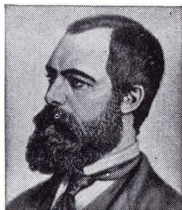
Его поэтическая вселенная — это вмесгилще киплящего разума, как сказано в «Интернационале». Именно в источнике этого разума берет начало поток его великодушного и благородного гуманизма.

Париж — Москва

ИЗ ПИСЬМА

ЭЖЕНА ПОТЬЕ

ПОЛЮ ЛАФАРГУ

...Я родился в Париже в 1816 году, и все мое образование ограничилось приходской школой. Тринадцати лет я поступил в ученики к отцу, работавшему в мастерской на улице Святой Анны...

Как ящик унаковщика, я был
Ленив, неповоротлив и тяжел...

Я почерпнул правила стихосложения в старой грамматике Ресто, которую отыскал в заплесневелом, полуразвалившемся шкафу. Веранже, чей томик я переписал от руки и выучил наизусть, когда мне было двенадцать лет, стал для меня одновременно Гомером, Вергилием и Горацием.

Славные дни 1830 года были первым ударом бабана, который меня разбудил. И, как подобает мальчишке, я взобрался на леса испукительной часовни, которую строили на площади Лувуа в память герцога Беррийского, и затянул там первую свою песню под аккомпанемент последних выстрелов швейцарской гвардии, покидавшей Лувр. Разумеется, рефреном песни были слова: «Да здравствует свобода!»

К 1840 году я сочинил песню в бабувистском духе, от которой у меня осталась неполная копия. Я отдал рукопись одному другу-коммунисту, который вел пропагандистскую работу. Тайком от меня песню напечатали, и она пользовалась огромным успехом в Лйоне и на юге. Однажды, читая какую-то реакционную газетку, я узнал о том, что моя песня, «подобно искре, вызвала пожар и произвела духовное опустошение среди трудящихся классов, которые по своему легковерию и невежеству сделали добычей преступных агитаторов».

Между тем я стал рисовальщиком. В этих рисунках не было ничего от линейки и циркуля, все — уголь и беспорядочность свободно нанесенных мазков. Как автор композиций я был неистощим, но как исполнитель — беспомощен. В течение тридцати лет я был мастером в первом парижском ателье по росписи тканей, не замечая, что, прикинувшись другом, хозяин ателье нещадно меня эксплуатировал.

В сущности говоря, я никогда не принимал активного участия в политической борьбе, если не считать июньских дней 1848 года, когда меня чуть было не расстреляли. Во время государственного переворота 1851 года от преследований меня спасло воспаление легких. Наконец в 1871 году

Художник, мастер и певец,
Шагнул я в огненную печь,
Чтоб из того огня извлечь
Народу золотой венец.

Во время осады Парижа меня ввели в Комитет общественной безопасности второго округа, а затем делегировали в Парижскую федерацию рабочих обществ. Откуда и мое избрание в Коммуну...

Я исполнял обязанности мэра¹. Когда в город вошли версальцы и захватили мэрию, я перешел в одиннадцатый округ и провел там последние дни борьбы вместе с Ферре, Лефрансе, Вайяном, Варленом и Делеклюзом.

Затем я выехал через Бельгию в Англию; я пробыл там два года. После чего вместе с семьей переехал в Соединенные Штаты. Там я оставался в течение семи лет и смог возвратиться на родину только после амнистии; я был беден и стар. После двух лет борьбы и изнуряющих трудностей, что в моем возрасте вытерпеть было не под силу, я перенес удар, за которым последовал односторонний паралич, и должен был оставить работу вообще.

Люсьен-Винтор Мёнье в тепло написанной статье «Старый поэт» прекрасно резюмировал ход моей жизни: постоянная нехватка хлеба и времени.

¹ В округе Биржи (п р и м. р е д.).

«На первый взгляд — это тихая и немудрая земля под неярким небом. Но чем больше узнаешь ее, тем все больше, почти до боли в сердце, начинаешь любить эту обыкновенную землю».

К. Паустовский

Изда, в которой я живу, стоит на бугре у реки. Напротив высится Волчья гора, поросшая синим лесом, и зеленеют луга... Утром ко мне на сеновал заглядывает солнце. Я долго лежу, прислушиваясь к пению птиц, к перекличке петухов. Слышу, как гонят коров в стадо, как на моторке повезли на острова почту.

Мой хозяин, семидесятилетний дед, собирается за грибами. Каждый день набирает он по пуду боровиков, а то и больше. Все сразу не донести, и дед складывает грибы в лесу, носит потом домой по частям.

— Богатств в лесу много, — вздыхает дед. — А пропадают ни за что. Дали бы самолет — отправить в Ленинград, в Москву, в Париж. Расчет есть.

...А вот заботы председателя Михаила Григорьевича:

— Дел сейчас очень много. Колхоз большой, катаешься с утра до ночи по деревням. И каждый к тебе со своей заботой. Бывает, так намотаешься за день, что вечером и не помнишь, о чем с утра говорил. Земля требует труда и забот.

ЭТА ОБЫКНОВЕННАЯ ЗЕМЛЯ

...Тяжело вздыхает болото. Из-под ног брызжет коричневая, ржавая вода. На болоте ничем не возьмешь — косят вручную. Один за другим вступают в ряд мужчины. Дело к вечеру, но зной не спадает. Пот заливает глаза. Тучи слепней вьются над головой.

— Как там наши бабоньки?

Бабы ворошат сено. Шутки, шум.

— До них не докричишься, чисто в улье: все жужжат.

Медленно снатывается с неба солнце. От копен потянулись длинные тени. В воздухе стоит терпкий аромат скошенной травы.

Уже последние взмахи косой. У кустов — черное оконце воды. К нему наклоняются, пьют.

Подходит машина. Складывают в нее носы, грабли.

— Может, песню споем? Бабы, затягивайте.

И над вечерней землей поплыла русская, старинная:

Ты, рябинушка, раскудрявая.

Ты когда взошла, когда выросла?

По зарям цвела, к солнцу вызрела?

...Наполняя огнем реку, опускается солнце. Навстречу ему из воды тянется другое. Кричат чайни. Шелестит под ветром тростник. Неподвижно застыли баркасы.

На землю падают молочные сумерки. Все вокруг замирает и, кажется, ждет чего-то таинственного...

Лето, сенокосная пора.

Псковская обл.

Печерский р-н, колхоз «Кульи».

Наталья ЖИГАЧ

Фото Л. Лазарева

Продолжение фоторепортажа смотрите на четвертой странице обложки.

Где находится в Москве Дом Союзов, вы знаете? Так вот, если войти в ворота слева от этого дома, то внутри, во дворе, обнаружится здание XVI столетия — палаты бояр Троекуровых. Ныне в этих трехэтажных палатах размещен Государственный центральный музей музыкальной культуры имени М. И. Глинки. Отпочковался он от Московской консерватории, как самостоятельное учреждение возник в 1943 году.

Если вы захотите внимательно его осмотреть, времени понадобится немало. Целый этаж занимают музыкальные инструменты, на которых играют народы Земли: от самых простых барабанов и флейт, сохраняющих первобытный вид, до инструментов современного симфонического оркестра. Балалайки. Бандуры. Гусли. Кяманчи. Кумузы. Кураи. Дудки. Бубны. Охотничьи рога. Эстонский каннель. Японский самедайк. Румынский най. Индийский ситар. Негритянские флейты. Тамтамы. Гонги. Спинет XVI столетия. Клавесин. Первые образцы фортепиано. А далее — автограф Гентора Берлиоза, великого французского романтика, написанный мелом на доске во время визита его в классы Московской консерватории в 1869 году. Портреты и рукописи Моцарта, Брамса, Дворжана, Малера, Дебюсси...

На третьем этаже, пожалуй, еще интереснее. Тут история русской музыки от самого ее зарождения до наших дней — множество экспонатов, каких в другом музее никогда не увидишь. Крохотный столик, принадлежавший Михаилу Ивановичу Глинке. На нем была написана опера «Руслан и Людмила». Фортепиано, за которым сочинялся «Князь Игорь». Обгорелые рукописи Бородина, спасенные в Ленинграде во время пожара и вывезенные потом из осажденного города. Дирижерская палочка Николая Рубинштейна — основателя и первого директора Московской консерватории. Ученый труд о контрапункте композитора С. И. Танеева. Принадлежавшая ему фисгармония. Портрет Льва Толстого, подаренный им Московской консерватории.

Афиши. Программы концертов. Партитуры. Клавиры. Черновые наброски. Письма. Вещи, принадлежавшие музыкантам. Манеты театральных декораций, эскизы — сады Черномора, подводное царство, утопающий в зелени ампирный домик с колоннами, половецкие шатры, царский терем, Дворцовая арка над Зимней канавкой, красное знамя над казачьей толпой,

Портреты. Фотография Мусоргского — преобразенные вдохновением простые черты. Шаляпин — Борис. Шаляпин — Варлаам. Шаляпин — Досифей... Певица Забела-Врубель в русском кокошнике. Строгий Корсаков за работой. Элегантный Чайковский. Певец Фигнер с закрученными усами, в кивере и в лосинах — Герман. Печальная красавица Иоланта — Мравина, примадонна петербургской Мариинской оперы. Рукопись Шестой симфонии — «Патетической». Проницательное лицо в пенсне — дирижер и пианист Зилоти, рисунок Шаляпина. Класс профессора Московской консерватории Зверева: среди мальчигов в форменных курточках — Рахманинов, Скрябин... Сосредоточенный Рахманинов за роялем. Его карандаши, календарь, часы. Скрябин с поднятыми бровями. Тучный, с умным лицом Глазунов. Авторы «Интернационала». Шостакович вместе с Маяковским и Мейерхольдом. Шостакович в пожарной наске на крыше Ленинградской консерватории. Мравинский во время концерта — волевое лицо, палочка, взме-

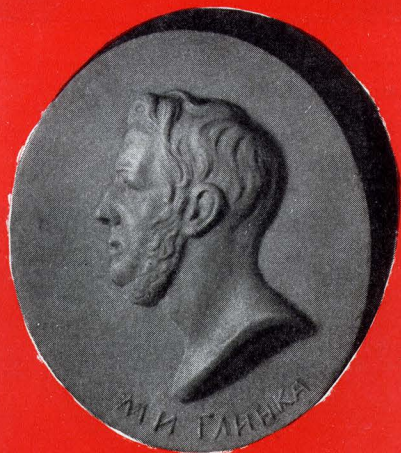
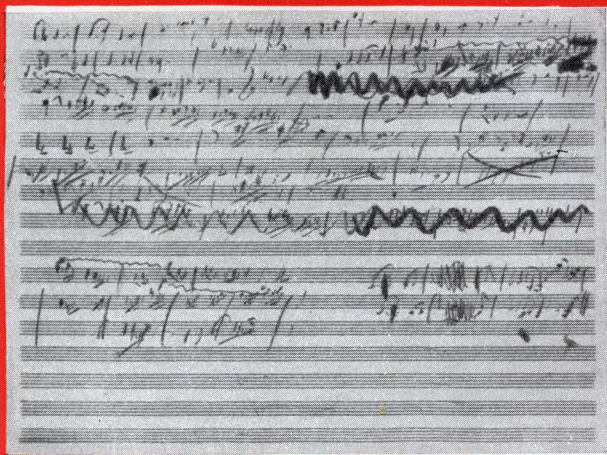
В ТРОЕКУРОВЫХ ПАЛАТАХ

Ираклий
АНДРОНИКОВ

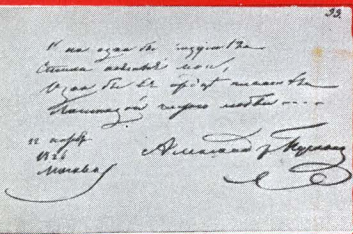

Из рукописей
музея.

Титульный лист
кантаты Россини.

Страница
из бетховенской
тетради эскизов.

Пушкин —
Голицыной.

тающая смычки. Сергей Прокофьев и Сергей Эйзенштейн за работой над фильмом «Иван Грозный». Надпись на обложке сценария: «С. С. Прокофьеву, преклоняясь. С. Эйзенштейн». Прокофьев, Прокофьев... «Священная война» Александрова; штамп «Подписана к печати 28 июня 1941 года». «Танец с саблями» — руна Арама Хачатуряна. Карандашные наброски Свиридова...

Мы еще не заглядывали в фонотеку, в рукописный отдел! Вот множество коробок с архивом современника Пушкина Александра Алябьева — композитора с трагической судьбой. Осужденный по ложному обвинению на пятнадцать лет ссылки, лишенный до конца жизни права появляться в обществе, он остался в памяти поколений как автор небольшого числа прекрасных романсов и прежде всего знаменитого «Соловья». И вот в начале Великой Отечественной войны в подвале одного из музыкальных учреждений столицы было найдено множество рукописей. Это оказался архив Алябьева. Сотрудник музея Б. В. Доброхотов изучил все эти сочинения, многие из них теперь напечатаны и постоянно исполняются в концертах и радиопередачах. Музей не может выставить все накопленные богатства — все изобразительные материалы, ноты, книги, свыше двадцати тысяч единиц звукозаписи. Но много замечательной музыки можно услышать, посещая концерты. В музее любителей музыки систематически знакомят с записями великих произведений и замечательных исполнителей. Нет, трудно уйти отсюда! Тем более, что едва ли не с каждой вещью связаны увлекательные истории.

Раскроем, например, старинный альбом, который приобрел в свое время один из старейших профессоров Московской консерватории, пианист Александр Борисович Гольденвейзер (умерший в 1961 году). Купил он его у какой-то старухи. Альбом удивительный. В него вписывали посвящения, стихи, музыкальные темы знаменитейшие люди искусства первой половины прошлого века. Тут Пушкин, Жуковский, Крылов, Тютчев, Мицкевич, Бальзак, Теофиль Готье, композиторы Керубини, Россини, Лист, Мейербер, Спонтини, знаменитый пианист Тальберг, певцы и певицы — Джованни Рубини, Полина Виардо, Аделина Патти... Пушкин внес в альбом четыре строки из своего «Разговора книгопродавца с поэтом»:

«Она одна бы разумела
Мечты неясные мои.
Одна бы в сердце пламенела
Лампадой чистою любви.

22 сентября 1826 года».

Кому принадлежал альбом, в точности неизвестно. Знаток пушкинской эпохи литературовед Людмила Васильевна Крестова высказала предположение: княгиня Наталья Степановна Голицыной, урожденной графине Апраксиной. Правильно. Мы сейчас убедимся в этом. Пока же запомним: в альбоме имеется автограф Россини. Нам еще предстоит вернуться к нему. А теперь можно альбом отложить на время. И с чувством благоговения взять в руки другую драгоценность из коллекций музея — тетрадь эскизов Бетховена, относящуюся к 1802—1803 годам. Это подлинная рукопись великого композитора с необыкновенной судьбой...

Об этом я расскажу вам на звуковых страницах.

С академики после

С девяти до пяти академики «двигают науку». Потом они ходят по магазинам или катаются на водных лыжах, возятся с детьми или занимаются профсоюзными делами.

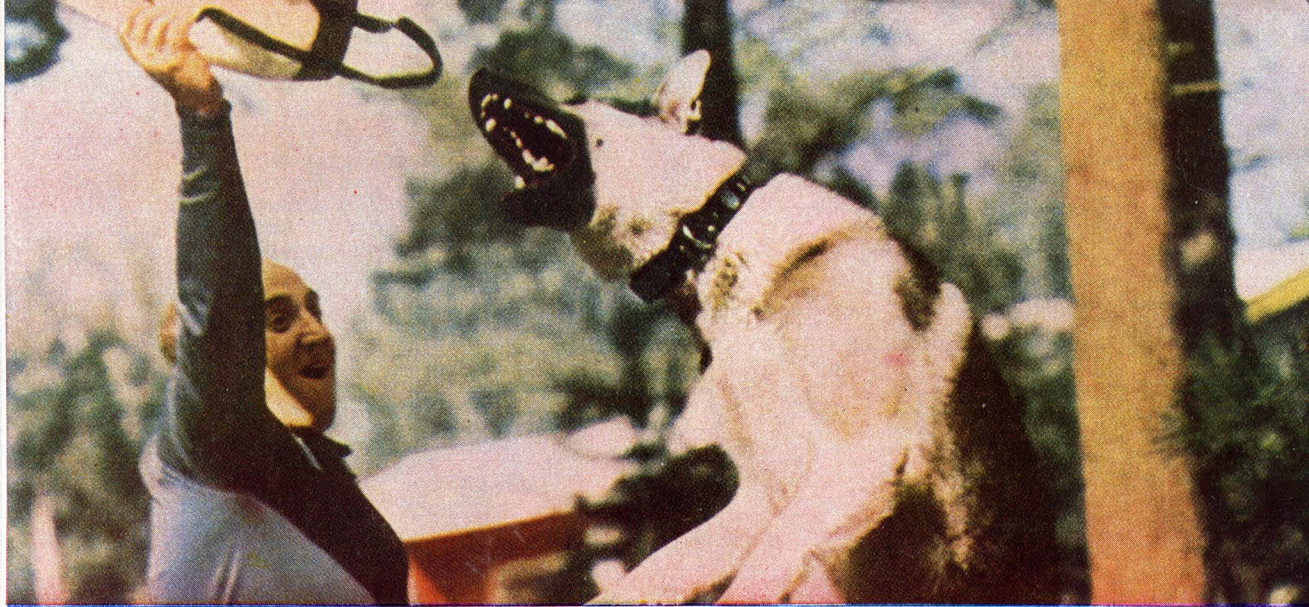
За этими занятиями и застал их наш фотокорреспондент А. Лидов. На его снимках — академик М. Лаврентьев, академик А. Буднер, доктор геолого-минералогических наук Г. Поспелов, кандидат физико-математических наук В. Кузнецов, группа молодых и, несомненно, талантливых ученых. Правда, не все здесь академики в строгом смысле этого слова. Но так называют каждого, кто живет в Академгородке возле Новосибирска.

В. Кузнецов: «Сейчас каждое открытие в физике — это открытие целого континента, по крайней мере крупного острова. В такое время жалко сидеть сложа руки...» ↓

↑ М. Лаврентьев: «...Наш Академгородок, в известном смысле, сам является большим экспериментом в области организации науки».

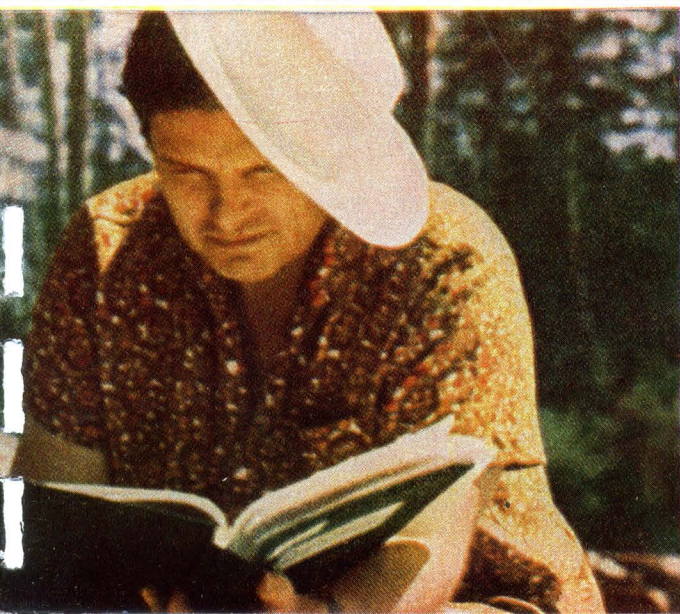

Г. Пospelов: «Романтика ученого, как говорится,— это романтика молча».↓

↑ А. Будкер: «Нет лучше отдыха, чем поработать в нерабочее время дома. Но вдруг я заметил, что в круг моих интересов стали проникать и другие...»

↑ «Вот такое у нас сочетание: курортного и высоконаучного города».

Фото А. Лидова

Одна из римских газет, подшучивая над страстной любовью итальянцев к песне, писала: «Если какой-нибудь коварный враг вздумал бы захватить Италию врасплох, ему следовало бы сделать это в момент телевизионной передачи с песенного фестиваля в Сан-Ремо. Никто бы и не подумал отойти от телевизоров!...»

Напомним, что ...ежегодно в Италии проводится более 200 песенных фестивалей... за год продается пластинок с записями песен на пятнадцать миллиардов лир...

Конечно, этот «песенный бум» можно было бы считать сугубо личным делом самих итальянцев, если бы итальянская песня не была так популярна и любима во всем мире. Недавно в журнале «Улыбки и песни» объявлен результат анкеты «Самые популярные эстрадные певцы сезона 1965—66 года». От Италии названы Рита Павоне и Джанни Моранди. Мы знакомы с этими артистами, если можно считать знакомством их приезд в Москву всего на один день в прошлом году со своеобразным «передвижным» фестивалем-конкурсом Кантаджиро.

Рита Павоне (ее настоящее имя — Тина Кардинале) родилась в Турине, в семье рабочего, и до того, как она начала петь (Рите было 14 лет), работала помощницей портнихи. В Италии ее ла-

сково называют «маленьким чудом с веснушками», потому что она действительно очень маленького роста и такая тоненькая, что однажды ее чуть было не унесли детские воздушные шары.

Джанни Моранди тоже молод, ему всего 20 лет. Он родился в небольшом горном селении под Болоньей. Его отец — сапожник, да и сам Джанни долгое время зарабатывал на жизнь сапожным ремеслом, а по воскресеньям продавал поджаренные орешки в местном кинотеатре.

На одиннадцатой звуковой странице «Кругозора» вы найдете песенные автографы этих популярных итальянских артистов.

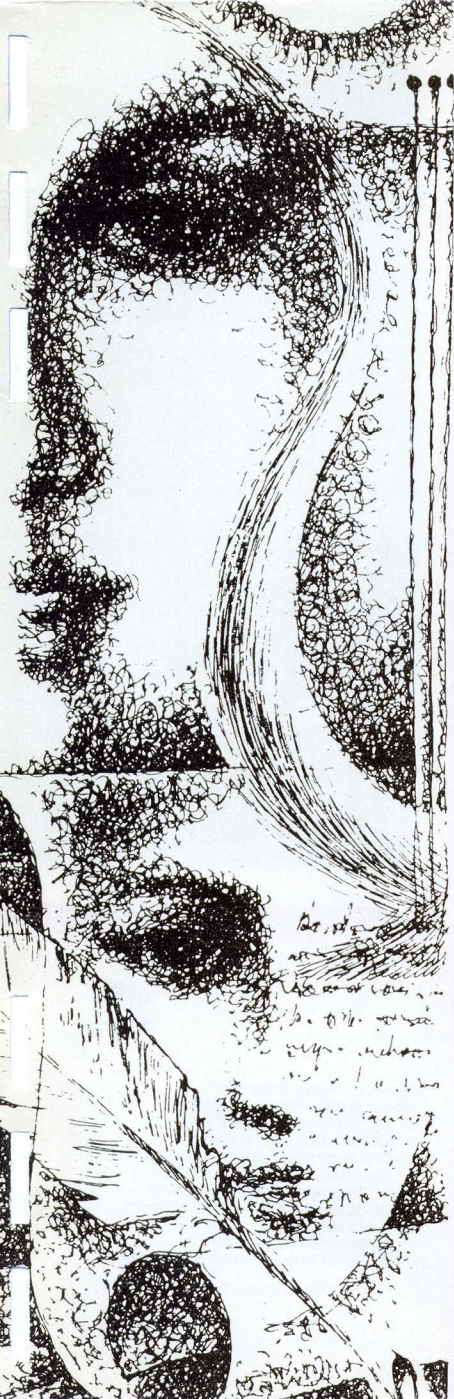
Е. ТАРХАНОВА

CON AMORE DALL' ITALIA

" CON AMORE DALL'ITALIA " - " С ЛЮБОВЬЮ ИЗ ИТАЛИИ ".

Виктор ШКЛОВСКИЙ

Я думаю, что об искусстве лучше всего писать голосом и способом искусства, что статьи об искусстве должны быть страстны, даже пристрастны, но, во всяком случае, художественны. Для меня идеал книг об искусстве — статьи Пушкина, Маяковского, замечания Блока и даже книга Аристотеля «Поэтика», которая написана страстно и, как бы вам сказать, сюжетно, извилисто. Поэтому я думаю, что об искусстве надо рассказывать, если им интересуешься, повести, рассказы, как бы сказки. Недаром «поэтики» в старину писали даже в стихах. Я не отрицаю многотомных исследований, сам их писал, переводился много раз, но сейчас я пришел вот к этой форме.

РАЗМЫШЛЕНИЯ

Пишу я давно: так с 1915—1916 года. Писал разное. На Западе читал диссертации о себе, статьи о себе. Иногда меня упрекают в измене — в измене старым убеждениям. Конечно, я изменяюсь. Изменяюсь потому, что живу. Нельзя упрекать себя за то, что оно изменилось и стало растением. Растение тоже нельзя упрекать, когда оно цветет и дает зерно. От меня хотят, чтобы я стоял прямо, но так стоял, как колос, из которого вытекло зерно. Стоял на одном месте, как стоит кол, вбитый в землю, не менял своей позиции, как скелет в могиле. Этого хотят от меня, очевидно. А я хочу изменяться, потому что не устал расти.

Это процесс. Можно, конечно, говорить, что вот ты дал не то зерно, которое мы от тебя ожидали. Ну, тогда проверьте, что вы ожидали.

Вспоминаю высокого человека, которого я звал Володей. С ним я гулял по набережной Невы, смотрел на низкие, как будто утопленные в серую воду реки серые стены Петропавловской крепости. Этот человек памятником своим

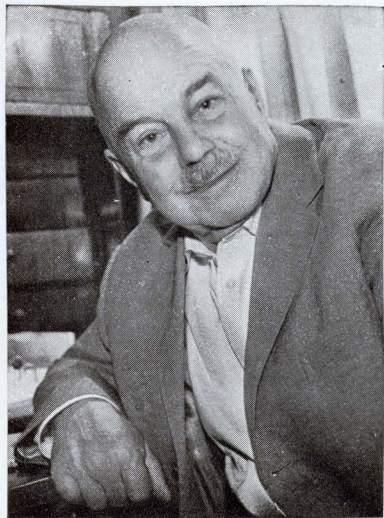
РАЗМЫШЛЕНИЯ

смыкает кольцо, окружающее центр Москвы. Он хотел растоптать свою душу, чтобы она стала большой, и окровавленную душу дать народу, как знамя. Цвет знамени в поэзии — это цвет души. Искусство страстно, искусство пристрастно, и когда оно окрашено, когда оно страстно, оно переживает свое время.

Фото Е. Волкова
Рисунок А. Брусиловского

На четвертой звуковой странице размышления Виктора Шкловского:

«Мы должны увидеть, где мы живем, и для чего мы стремимся в космос, и для чего мы интересуемся цветами, и почему мы считаем, что женщины красивы...»

РАЗМЫШЛЕНИЯ

Я люблю свой язык, люблю
потому, что на нем легче
петь свои песни, слагать
стихи о наших горах...
о нашем добром народе.
Вот почему я думаю,
что нет ничего равного
этой земле — моему краю, —
хотя, наверное, есть много
красивых и ничем ему
не уступающих мест.

Д. м. Гулиа

Панорама Родины

Какая сила жизни!
Мы привыкли к этому
и не замечаем победы
живого над мертвым,
действенного над инертным,
и мы как бы не знаем,
что солнце творит цветы
и плоды из мертвого камня,
не видим, как всюду
торжествует живое,
чтоб бодрить и радовать нас.

М. Коцюбинский

...У каждого из нас, как у той травинки, есть свое место на земле, своя тихая гавань, в которую мы всегда возвращаемся и заветное наименование которой высечено у нас на затылке, как у корабля на корме. Надпись эта порой заволакивается, но потом проступает снова, четкая и зовущая...

Юхан С му ул

Песни Украины, Эстонии, Армении, Азербайджана — слушайте на девятой и десятой звуковых страницах.

Фото М. Редькина, В. Школьного, Н. Рахманова

слушайте
в
номере

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ

А. ПЕТРОВ

РИТМ
ТЕМП

1. Голоса нашей биографии. Эжен Потье и его великая песня.
2. Между выстрелами. Исповедь на крыше Нарышкинского бастиона.
3. Родней Арисменди отвечает «Кругозору».
4. Виктор Шкловский: «Чтобы не устали смотреть...» Звуковую страницу подготовил В. Возчиков.
5. Сенокосная пора. Фонофильм Н. Жигач.
6. Наши премьеры. Песни «Маятник» (авторы Е. Ботяров и А. Заурих) и «Пришли девочки» (авторы А. Колкер и К. Рыжов). Исполняют А. Зубенко и М. Пахоменко.
- 7—8. Бетховен, Россини и русские песни. Рассказывает Иракий Андроников.
- 9—10. Музыкальная панорама Родины. Украинская песня «Черемшина» (авторы — В. Михайлюк и Н. Юрийчук); эстонская — «Песня о желтом цветке» (автор — Х. Хиндпере); армянская народная — «Отняли у меня любимого»; азербайджанская — «Фиалки» (авторы — П. Бюль-Бюль-оглы и О. Гаджикасимов). Поют Д. Гнатюк, октет «Лайне», Р. Мкртчян, М. Магомаев.
11. Рита Павоне и Джанни Моранди исполняют итальянские песни «Сердце» и «Я не достоин тебя».
12. Оркестр Всесоюзного радио и телевидения под управлением В. Людвиковского: «Танец на цыпочках» (Г. Подельский); «Последний блюз фестиваля» (Г. Гаранян). Солисты — А. Зубов, Г. Гаранян и К. Бахолдин.

**ИЗДАТЕЛЬ:
КОМИТЕТ
ПО РАДИОВЕЩАНИЮ
И ТЕЛЕВИДЕНИЮ
ПРИ СОВЕТЕ
МИНИСТРОВ СССР**

На первой странице
обложки — рисунок
А. Гамбурга

Режиссер
Н. Субботин.
Художник
А. Луцкий.
Технический редактор
Л. Петрова.

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ.**

Адрес редакции:
Москва, Пятницкая, 25.
Телефоны редакции:
В 3-73-94, В 3-74-59.

Б 05928. Подп. к печ.
17/IX 1966 г. Формат
бумаги 84×108^{1/16}.
Бум. л. 0,5. Печ. л. 1.
Тираж 250 000 экз.
Зак. 2518. Цена 1 руб.

Звуковые страницы изготовлены Всесоюзной студией грамзаписи фирмы «Мелодия» и Государственным домом радиовещания и звукозаписи

Ордена Ленина
типография
газеты «Правда»
имени
В. И. Ленина.

Оркестру Всесоюзного радио и телевидения под управлением Вадима Людвиковского несколько месяцев, и он только начинает свою жизнь. Создать из семнадцати музыкантов (пусть талантливых солистов и джазовых профессионалов) оркестр — дело не такое легкое. Механически сложенная сумма не даст нового качества; необходимо органическое слияние, единое «дыхание», цельность музыкальной фразировки, «игра» с ритмами — все это становится плотью и кровью оркестра лишь постепенно, приходит со временем.

К сожалению, мы слишком привыкли к «приблизительному» звучанию наспех собранных, несыгранных групп; однако стоит услышать настоящий джаз-ансамбль, как наше ухо немедленно регистрирует: «Вот как надо!»

Карл Брюллов сказал однажды, что в искусстве самое важное — это «чуть-чуть». Детали, нюансы, точное попадание в цель.

Для нашего джаза сейчас наступает период, когда он начинает обретать то высокое мастерство, то профессиональное совершенство, которые отличают искусство от ремесла.

Оркестр Всесоюзного радио имеет все основания стать джазовым коллективом высокого класса.

Большинство артистов нового оркестра давно уже известны как виртуозы-импровизаторы в малых джазовых составах. Назовем Георгия Гараняна (альт-саксофон), чей квартет получил высокую оценку на прошлогоднем международном фестивале «Прага-65», а недавно стал лауреатом московского джазового конкурса. Следует отметить тенор-саксофониста Алексея Зубова, тромбониста Константина Бахолдина, трубача Владимира Чижина. Ритмическая группа оркестра — также одна из лучших в нашей стране (пианист Борис Фрумкин, контрабасист Адольф Сатановский и ударник Александр Гореткин)...

Вадим Людвиковский хочет, чтобы музыканты оркестра были не только исполнителями, но и композиторами. Постоянно пишут музыку и аранжируют Георгий Гаранян, Константин Бахолдин, Алексей Зубов.

Итак, давайте послушаем!

Руководитель оркестра
В. Людвиковский.

Микрофон включен

— Итак,
сколько мы
должны
дворнику?

— Ну,
что там
у тебя
стряслось?
Снова
безответ-
ная лю-
бовь?

— Для
начала
поработаешь
с сеткой.

— Я
первый
свистнул!
— Нет, я!

Рис. Е. Шабельника.

ЭТА ОБЫКНОВЕННАЯ ЗЕМЛЯ

Цена 1 руб.

